

ЕЛЕНА
АРСЕНЬЕВА

ЮНОСТЬ
БОГАТЫРСКАЯ

Елена Арсеньевна Арсеньева

Юность богатырская

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=20066694

Аннотация

Не в некотором царстве, не в некотором государстве, а в нашей русской земле это случилось. Однажды Иванушка спас в лесу смешное существом по имени Горынчик и подружился с ним. Не знал мальчишка, что это сын самого Змея Горыныча, напавшего на Русскую землю! Иванушке придется вести на него все русскую дружину и сражаться не на жизнь, а на смерть, чтобы и Родину от беды избавить, и красавицу Забавушку спасти. А что же Горынчик? Неужели он предаст своего друга? А что же зловредный вельможе Юпишка? Неужели он перестанет смеяться над воеводой несмышленным? А что же Михрюська и Пинь Ушастый, жители лесные? Неужели не помогут они Иванушке? А что же сам юный богатырь? Неужели не осмелится выйти на бой со Змеем Горынычем – на последний смертный бой?.. [i]Книга также выходила под названием «Детство Добрыни».[/i]

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

32

Елена Арсеньева

Юность богатырская

Сказочная повесть

На обложке воспроизведена картина Андрея Шишкина
«Последний защитник».

* * *

Посвящается Полику, Сонику и Анику

В некотором царстве, в некотором государстве, а просто сказать – на Руси, жил-был в незапамятные времена мальчик по имени Иванушка. Было ему от роду тринадцать годков. Домик матушки его Милуши, по прозвищу Горикая, стоял в селе Малиновом. Неподалеку протекала речка Смородина. Окружали Малиновое глухие леса. И, наверное, нигде не сыскать было таких густых малинников со садкой ягодой, как в тех заповедных лесах! Однако люди ходить туда побаивались: неровен час, чудища лесные закружат, заманят в чащу, к синим таинственным огонькам, – потом не выберешься! А Иванушка смело хаживал в те малинники, потому что у него там были друзья.

В лесах – известное дело! – лесовуны¹ живут. Деревяшки, шишкунуны, еловнички! С двумя такими лесовунами и дружил Иванушка. Звали их Михрюська Еловенький да Пишь Ушастый.

Михрюська в самом деле был похож на еловую шишку. Пинь напоминал пенек, только с ушами. Эти широченные и длиннющие уши то и дело падали ему на глаза, и он их знай отмахивал, чтоб не мешали глядеть.

Как-то раз пошел Иванушка в лес и еще издалека услышал, как Михрюська да Пинь орут друг на друга что было мочи.

– Медведи – козыри! – азартно кричал Пинь. – А ты с чего пошел? Михайлу Потапыча – Лисичкой-Сестричкой бьешь?!

– Да ведь лиса кого хочешь объегорит, – возражал Михрюська. – Сегодня она просто лисичка-сестричка, а завтра – уже Лиса Патрикеевна!

– Причем тут завтра? – сердился Пинь. – Нынче у нас медведи – козыри! Либо медведем ходи, либо проигрыш перегоняй!

Подошел Иванушка поближе и видит: его друзья сидят около пенька и лупят по нему кусками бересты – коры березовой, а на бересте какие-то картинки нарисованы. Пригляделся Иванушка и увидел, что нарисованы птицы, звери, насекомые... Смекнул, что лесовуны в свои лесные карты иг-

---

¹ Лесовуны – то же, что лешие. Шишкунуны, еловнички обитают преимущественно в хвойных лесах.

рают.

Раньше он про это только слышал, а увидеть не доводилось. И вот повезло! Притаился Иванушка за деревом, а лесовуны так заспорились, что ничего вокруг не замечают.

– Ты нынче что ставил? – запальчиво спросил Пинь.

– Ежей, – ответил Михрюська.

– Как ежей?! – возмутился Пинь. – Опять ежи?! У меня и своих довольно, ступить в лесу негде со вчерашнего дня, когда ты ко мне свой проигрыш переиграл! Уже и волки по деревьям лазать научились! С ветки на ветки скачут, как птички, лишь бы на ежа не наступить! Зайцы сидят на пеньках да иголки из лап вытаскивают! Был лес как лес, а нынче что? Какая-то подушечка для иголок, а не лес! Меняй ставку!

– Это против правил! – возразил Михрюська. – Нельзя ставку посреди игры менять! А не хочешь моих ежей – давай считать, что моя лисичка-сестричка твоего Михайлу Потапыча побила.

– Так это что – значит, я проиграю?! – не поверил своим длинным ушам Пинь Ушастый.

– Выходит, так, – усмехнулся Михрюська, который был хоть и еловенький, но хитрец каких мало.

– И тогда ты ко мне ежей не погонишь? – насторожился Пинь.

Михрюська кивнул:

– Выходит, так.

– Значит, я тебе свой проигрыш должен отдать?

– Выходит, так, – сказал Михрюська. – А ты чего ставил-то?

– Сейчас увидишь! – злоратно крикнул Пинь искомандовал: – Ежи мои ежастые! Покиньте лес Пиня Ушастого, идите к Михрюське Еловенькому и служите ему верой и правдой, как мне служили!

И в самом деле – через лес побежало-покатилось множество ежей, которые несли в корзинках своих малых ежат.

Понял Михрюська, что дружок его хоть и похож на пенек, а тоже очень хитер!

– Стойте! – в отчаянии завопил он. – Вернитесь! Я не хочу вас выигрывать!

Но ежи не обращали на него внимания и так спешили поскорей пробежать из леса в лес, что Михрюську с ног сбили. Наконец их поток иссяк.

– Все, что ли? Ну и хорошо! Теперь можно будет босиком по моему лесу ходить! – обрадовался Пинь.

– А по моему лесу теперь нельзя-а-а босиком... – захныкал Михрюська.

– Не горюй, Михрюська! – начал утешать его Пинь. – Завтра мы на кого-нибудь другого будем играть. Не хочешь на ежей – будем на ужей! Или на мышей!

– Или на бабочек... – приободряется Михрюська. – Или на стрекоз...

– Или – на ку-ку-кукушек! – раздался вдруг чей-то голос: Иванушка решил подшутить над друзьями.

Но Пинь решил, что это сказал Михрюська, и засмеялся:

– Ну, ты размечтался! На ку-ку-кукушек!

– Да нет, это ты размечтался! – удивился Михрюська, который не сомневался, что про кукушек сказал Пинь.

– Нет, ты!

– Нет, ты!

Лесовуны рассердились и готовы были броситься друг на друга, но тут Иванушка вышел из-за деревьев и успел встать между ними:

– Ну вы еще подеритесь! Это я сказал ку-ку-ку-ку!

– Иванушка! Друг ты наш дорогой! – закричали Михрюска и Пинь радостным хором.

Они очень любили Иванушку...

– Что так давно носа в лес не казал? – спросил Михрюська.

– Матушка не пускала, – объяснил Иванушка. – Она во мне все еще младенца-несмышленища видит. Я так никогда не вырасту, если вечно будут за подол матушкина сарафана держаться!

– А мы по тебе скучали, верно, Михрюська? – сказал Пинь.

– Скучали, скучали, елками-палками клянусь! – радостно согласился Михрюська.

– Да вы ж не любите, когда люди по лесам шастают! – удивился Иванушка. – Так и норовите головы им закружить, с тропы сбить, смехом да чихом пугануть, заманить в чащу, откуда не выберешься.

– Что ты, что ты, Иванушка! – махнул корявой лапой Пинь. – Кого мы смехом да чихом пугаем? Того, кто грибы не соберет, а вытопчет, цветы сорвет да выбросит, деревце сломает без надобности, дичи настреляет больше, чем надобно, или, храни нас Ярило, Карачун и все лешие, костер в лесу разведет да не погасит! А ты этого никогда не делаешь. Ни гнезда не разоришь, ни самого малого зверька лесного не обидишь!

– А зачем же я буду это делать? – воскликнул Иванушка. – Разве я один на Руси живу? Мои деды и прадеды мне эту землю, эти леса и реки, поля и горы оставили – значит, и я должен для внуков и правнуков своих нашу землю сохранить такой, какая она есть, урону ей не причинив. А если придется – от врага защитить! Огниво, наш сосед, рассказывал, что отец мой пал в битве против степных поганцев, но ни пяди земли родной им не отдал.

– Огниво! – уважительно воскликнул Пинь. – Хороший он человек, воин славный! По-прежнему учит тебя рубить мечом и владеть копьем?

– А то как же? – кивнул Иванушка. – Степные поганцы никак не уймутся. Испокон веков лезли – и теперь лезут на Русь. Надо страну от них беречь. Не миновать и мне этой доли, когда вырасту! Да ладно об этом. Вы мне лучше скажите, что это вы тут кричали про ежей да ужей? И что здесь делаете?

– А это мы в карты на лесную живность играем, – показал

карты Пинь.

– Выиграет Пинь – к нему из моего леса звери бегут и птицы летят. Я выиграю – ко мне его зверье бежит и птицы летят, – объяснил Михрюська.

– Ну, это ты, брат, хватил: зверье, птицы... – обиделся Пинь. – Нет, на птиц да на зверей настоящие лешие играют, а мы кто? Лесовуны! Шишкуны, еловнички! Нам дозволено только мелочь всякую из леса в лес перегонять.

– Но мы подрастем! – уверил Михрюська. – Мы обязательно подрастем! И вот однажды ты услышишь, Иванушка... – И лесовун закричал: – «Зайцы мои серые! Зайцы мои белые! Покиньте лес Пиня Ушастого и идите в лес к Михрюське Еловенькому, служите ему верой и правдой!» И его зайцы все как один с места подхватятся – и побегут в мой лес!

Пинь крикнул еще громче:

– Лисы мои рыжие! Лисы мои черно-бурые! Покиньте лес Михрюськи Еловенького и идите в лес Пиня Ушастого, служите ему верой и правдою!

– Кабаны мои кабанчики!.. – завопил Михрюська.

– Волки мои серые!.. – надсаживался Пинь.

Так они бегали по лесу, изображая разных зверей и птиц, а вместе с ними веселился и Иванушка.

И вдруг в вышине раздался свист, потом треск, закачались деревья, несколько сломанных веток упали наземь. Что-то черное, крылатое, похожее на большую птицу, обрушилось

с небес, но застряло в кронах деревьев.

Михрюська да Пинь спрятались в кустах и утащили с собой Иванушку, хоть ему было любопытно посмотреть, что это за птица такая.

А она бьется в ветвях, не может выбраться и стонет:

– Помогите! Спасите! Погибаю!

– Кто это?! – шепнул Михарюська.

– Храни нас Ярило, Карачун² и все лешие! Никогда такой птицы не видел! – пробормотал Пинь.

– Это не птица, а целый птицун! Наверное, он из чужедальних лесов прилетел.

– Из чужедальних лесов, а может, из стран чужедальних!

– Из тридевятого царства!

– Из некоторого государства!

А неведомый «птицун» тихо стонал в вышине...

Жалко стало его Иванушке и начал он выбираться из кустов:

– О чем спорите? В беде кто-то! Не спорить – спасать надо!

Но Пинь и Михрюська знай дрожкой дрожали и зубами стучали:

– Да он черный!

– Да он крылатый!

– Он на кого-то похож...

---

² Славянские божества: Ярило – бог весны и плодородия; Карачун – покровитель смерти.

– На кого-то очень страшного...

– Только не вспомнить, на кого...

– Бояз-зно к нему приблиз-зиться!

– Помогите! Спасите! Погибаю! – снова застонал «пти-
цун».

Иванушка махнул на струсивших друзей рукой и один от-
правился спасать бедолагу. Взобрался на дерево и принялся
высвобождать его крылья из веток. Трудно пришлось! Один
раз Ив чуть не сорвался с высоты, но «птицун» успел его
когтем подхватить. Наконец, поддерживая друг друга, они
спустились на землю, выбрались из лесу и сели отдохнуть на
берегу речки Смородины.

Солнце клонилось к закату.

Иванушка с любопытством разглядывал огромные кры-
лья «птицуна», черное, чешуйчатое, сверкающее тело (че-
шуйки на его крыльях блестели и переливались, будто реч-
ная рябь на мелководье!), черную гладкую голову, а «пти-
цун» своими большими зелеными глазами рассматривал
Иванушку.

Михрюська и Пинь тарасились на них из-за кустов, при-
слушивались к каждому слову, но показаться не решались.

– Как тебя зовут? – спросил Иванушка.

– Го... Го-рын-чик... – с трудом выговорил «птицун».

Он то клекотал, будто коршун, то шипел по-змеиному,
сразу и не поймешь его!

– Горынчик?! – изумился Иванушка. – Что ж это за имя

такое нечеловеческое?

– Не-чело-ве-чес-кое? – повторил Горынчик. – Конечно. Я ведь не человек.

– Кто же ты? – усмехнулся Иванушка. – Птица?

– На-верное... – смешно пожал плечами-крыльями Горынчик.

– Таких огромных птиц я в жизни не видывал! – сказал Иванушка. – Ты, верно, и впрямь из чужедальних стран?

– Из чужих... дальних... – кивнул Горынчик.

– А меня Иванушкой зовут, – сказал мальчик.

Он протянул руку Горынчику, и тот неуклюже подал когтистую лапу в ответ.

Это очень развеселило Иванушку. Новый знакомец ему нравился!

– Хочешь в гостях у меня побывать? – дружелюбно пригласил он. – В Малиновом? Так наше село называется, потому что во всем свете не сыскать таких богатых малинников, как у нас. Пошли, а? Матушка блинов напечет.

– Блинов? – уставился на него Горынчик. – А что это такое?

Иванушка удивленно хлопнул глазами:

– Не знаешь, что такое русские блины?! Да это ж вкуснейшая еда на свете! Со сметаной, с маслом, с вареньем малиновым... Пошли скорей!

– Русские блины? – повторил Горынчик. – Значит, ты русич?

– А то! Конечно, русич! – гордо заявил Иванушка. – Ну, пойдём в гости?

– Нет... – уныло покачал головой Горынчик. – Родитель мой не велит с ру-си-чами дружбу водить.

– Ну и не води, – обиделся Иванушка. – Подумаешь! А мне вот все рано, с кем дружить, лишь бы не с врагами! Но ты ж мне не враг?

– Я – тебе? – замахал крылом Горынчик. – Нет! Ты мне, может быть, жизнь спас.

– А коль не враг, значит, друг?

– Значит, друг.

– В гости пойдёшь?

Горынчик печально вздохнул:

– Нет... родителя боюсь...

– Кто ж он такой, этот суровый родитель твой?! – воскликнул Иванушка. – Где он живет?

Горынчик неопределенно махнул крылом:

– Там... В Черных скалах...

– В Черных скалах? – нахмурился Иванушка. – Никогда о таких не слыхал! Небось, далеко?

– Для меня близко. Я ж крылатый, – развел крыльями Горынчик.

– Слушай, крылатый! – засмеялся Иванушка. – А плавать умеешь?

– Не знаю... – тоже засмеялся Горынчик, но неуверенно, как бы впервые. – Не пробовал...

Иванушка взглянул на него сочувственно:

– Бедняга! Такой радости не ведал! Бежим скорей к речке Смородине! Ничего лучше нет, чем в Смородине искупаться на закате, когда что воздух над рекой, что вода речная одинаково теплы и ласковы!

– Бежим! – согласился Горынчик.

– Шевели ногами, Горынчик! – крикнул Иванушка и бросился к реке.

– У меня не ноги, а лапы, – ответил Горынчик, неуклюже ковыляя следом.

– А у меня не лапы, а ноги! – хохотал Иванушка.

Когда они скрылись из виду, из кустов выбрались лесовуны, которые слышали весь этот разговор.

– Где родитель его живет, я что-то не разобрал? – с тревогой спросил Пинь.

– В Черных скалах! – сказал Михрюська.

– В Черных Скалах?! – повторил Пинь, стуча своими деревянными зубами. – Да ведь там гнездилище самого Змея Горыныча!

– Так вот на кого он похож, этот Горынчик! – ужаснулся Михрюська, а Пинь даже зажмурился от страха.

* * *

В эту самую минуту в своем замке в Черных скалах проснулся Змей Горыныч.

Вернее, проснулась только одна его голова – Средняя, самая умная. От большого ума она часто страдала бессонницей – вот и теперь проснулась раньше других голов: Старшей, храброй, и Младшей, глупой, которые знай похрапывали на расписных коврах да подушках златотканых.

С завистью поглядела на них Средняя голова и рявкнула: – Эй вы, засони! Просыпайтесь!

Нет, спят головы!

– Ну погодите! – прошипела Средняя голова и украдкой куснула Младшую на ухо. Куснула – и тотчас притворилась спящей.

А Младшая голова, конечно, проснулась, заорала от боли благим матом и разбудила Старшую голову. Та прохрипела сердито:

– Молчи, тупая-бестолковая! Чего орешь?!

– Меня кто-то за ухо во сне укусил! – взвыла Младшая голова.

– Вот! Сама же говоришь, что во сне! Приснилось тебе, значит. Спи дальше, – проворчала Старшая голова и снова улеглась было на подушку.

– Нет, не приснилось! Это наяву было! Меня кто-то укусил, посмотри, ухо так и горит! – пожаловалась Младшая голова.

Старшая голова взглянула и покачалась удивленно:

– И впрямь... ну и зубищи отпечатались! Огромные! Такие зубищи только у нас, у голов Змея Горыныча есть!

– Ага, так это ты меня укусила! – рассердилась Младшая голова.

– Тупая-бестолковая! – буркнула Средняя голова. – Как я могла тебя укусить, когда я спала!

– Значит, это Средняя голова меня укусила? – спросила Младшая голова.

– Тупая-бестолковая! – продолжала браниться Старшая голова. – Как она могла тебя укусить, когда она спит?

– Тогда что ж это выходит? – недоумевала Младшая голова.

– Тогда выходит, что ты сама себя укусила, тупая-бестолковая! – объяснила Старшая голова.

– Я не кусала-а-а-а! – зарыдала Младшая голова.

– Как же вы мне надоели! – застонала Средняя голова, открывая глаза и понимая, что больше не уснет. – Я не сплю – вы спите. Только усну – вы орете, будто вас за уши кусают! Эх, беда тому, кому на роду написано быть трехговым! Лучше бы три хвоста у меня было, так нет, всего один, на всех общий! Хорошо Горынчику: у него одна голова, спать ей никто не мешает, от глупости двух других голов она не болит... Само собой, в драке с тремя головами сподручней: таким огнем-пламенем на неприятеля дохнешь, что от него и памятки не останется! Самые нахрабрейшие храбрецы в бегство обращаются! А ну, головы, Старшая, храбрая, Младшая, глупая, поддержите меня, поддайте жару! Повеселимся да нашу песню споем!

И головы, изрыгая грохот, дым и пламя, завели хором:

– Как у Змея у меня у Горыныча
Есть три головы, три головушки!
Одна Старшая – самая храбрая,
Одна Средняя – самая умная,
Одна Младшая – самая глупая.
Не то сестры мы, не то братья мы,
Эх, три Змеевы головушки!

От их голосов, похожих разом на вой бури и раскаты грома, начали вокруг осыпаться камни, все дымом заволокло! Стражник, степной поганец, вбежал посмотреть, что случилось, увидел, что Змей Горыныч проснулся, – да так перепугался, что закрыл лицо руками и отшатнулся, спрятавшись за выступ скалы.

– Эй ты, смертный, чего спрятался? – окликнула Старшая голова.

– Ох и трусливы же вы, степные поганцы! – презрительно бросила Младшая голова. – Ох и союзнички³ у нас! Зачем вообще мы с ними дружимся?

– Это они с нами дружатся, – объяснила Средняя голова. – Против русичей. Из века в век враждуют с ними, никак одолеть не могут – ну и взмолились: помоги, помоги, Змей Горыныч! А мы и рады стараться, рады любым врагам русичей

---

³ Союзник – то есть соединенный одними узами, отсюда и произошло слово союзник.

помогать!

– Эй ты, смертный! – приказала Старшая голова. – Позови его огнедышащее высочество!

Степной поганец, прижав руки к груди, трижды поклонился, пал на колени, что-то бормоча.

– Погромче, смертный! – приказала Младшая голова.

– Его... его огнедышащее высочество куда-то улетело, – чуть громче выговорил стражник.

Средняя голова раздраженно пристукнула по земле хвостом, и стражника как ветром сдуло.

– Куда это запропал Горынчик? – раздраженно размышляла Средняя голова. – И что с ним вообще делается? Помощи родителю – никакой! Стараешься, жжешь деревеньки русичей – а Горынчик взовьется на такую высоту, что кажется не больше воробья, и описывает в небе круги. Я как-то его спрашиваю: «Ты что, сякой-такой и такой-сякой, против меня? Против родителя?!» – «Нет, – говорит, – я не против. Это, говорит, твое дело. Хочешь жечь – жги. Я тебе не мешаю. Только ты мне тоже не мешай».

– Вот так! – разозлилась Младшая голова. – Едва из яйца вылупился, зародыш одноглавый, а туда же – с родителем спорить!

– Ох, дети, дети, – вздохнула Старшая голова. – Я сколько ночей не спал, яйцо согревал, высиживал, думал: вот будет наследник моей злобы, а тут растет не змея, не птица – так себе, какое-то пресмыкающееся!

– Надо, надо злобу мою на кого-то излить! – разъярилась Средняя голова, пристукивая по камням общим для всех хвостом. – А ну, Младшая голова, погляди, что там на белом свете делается, какая погода? Лётная?

Младшая голова высунулась из расщелины, обозрела ясные дали и сообщила:

– Погода лётная! Облаков нет! Солнце садится, догорает небесный пожар.

– Догорает небесный пожар, говоришь? – грозно усмехнулась Средняя голова. – Ну что ж, пора, значит, на земле его разжечь...

* * *

А Иванушка и Горынчик долго купались в свое удовольствие!

Горынчик осторожно вошел на своих когтистых лапах в воду и лег на спину, раскинув крылья. Течение медленно несло его. Иванушка нырял, плескался, подбирался к Горынчику то с одного боку, то с другого – плавать горазд был! – и все норовил пощекотать ему лапы. Тогда Горынчик смешно выдергивался из воды и начинал пищать тоненьким голоском:

– Ива!.. Ивану!.. Ой, не на!.. Щеко!..

И оттого, что он слов не договаривал, было Иванушке еще смешней, еще веселей. Давно он так не веселился!

Потом Иванушка и Горынчик устало выбрались на берег и улеглись на песок. Колючий он был, весь в мелких камушках. Горынчику-то ничего, а Иванушка крутился, вертелся, кряхтел, да и не выдержал: ополоснулся и начал одеваться.

– Как весело с тобой, Иванушка! – восторженно сказал Горынчик. – Я и не знал, что умею смеяться. Мне нравится смеяться! Мне нравится купаться! Мне нравится на песке валяться! Может быть, мне даже блины понравятся! Мне нравится дружить! Я даже слов таких раньше не знал: друг, дружить, дружба...

– Да, – кивнул Иванушка. – Про это и песня есть. Хочешь, спою?

– Конечно, хочу! – обрадовался Горынчик.

И тогда Иванушка запел песню, которая сама собой на ум пришла:

– Друг, дружить и дружба –
Хорошие слова!
Запомни их, Горынчик,
Запомни навсегда!
Дружба – это значит
Вместе мы с тобой
Готовы посмеяться,
И чуду изумляться,
В Смородине купаться
И на песке валяться,
Блинами обедаться,

Работою заняться –
Иль песней заливаться,
Иль в битву собираться,
За Родину на бой!
Выйдем мы на бой
Плечом к плечу,
Друг мой!

И внезапно умолк, потому что неподалеку раздался чей-то голос:

– Кто здесь? Покажись, добрый иль злой человек!

Горынчик подскочил, испуганно расправил крылья:

– Ох, это люди! Русичи! Я боюсь! Мне пора! Я полечу! Но я еще вернусь! Прощай, Ива...

Иванушка схватил его за хвост:

– Куда?! Увидят тебя люди – со страху помрут: что за чудище крылатое?! Нет, давай спрячемся. Они уйдут – ты улетишь. Бежим вон туда!

Друзья бросились за кусты – прятаться, Иванушки даже рубашку забыл надеть, и она осталась валяться на песке.

Из-за кустов друзья видели, что на берегу появились люди. Впереди шла девушка в шелковом сарафане, в сафьяновых сапожках с загнутыми носками. Поясок ее шит золотом, ожерелье самоцветное, венец из золотых цветов.

Иванушка взглянул на нее – и дышать перестал. Девушка – редкостная красавица. Косоньки у нее желтые-прежелтые, словно огнем горят. Сроду Иванушка таких чудесных кос не

видывал! А глаза у девицы – словно небо голубые! Небось, все царевны в сказках такие, как она.

Нет! Такой красоты и в сказках не отыщешь!

Сердце Иванушки забилося часто-часто. Смотрел бы на красавицу – не насмотрелся! Только на нее смотрел бы...

Но тут на берег вышли стражники с копьями, а вслед за ними тащился богато разодетый толстяк – с виду добродушный, но с хитрым и коварным взглядом.

– Никого, – опасливо оглянулся он. – Знать, померещились голоса! А я думал – может, ладья наша подошла... Думал, может, отдохнем наконец!

Девушка восхищенно оглядывалась:

– Ох, какая же здесь красота несказанная! Какие косы у берез длинные! Какая река – словно небо, голубая!

– Ох, княжна, глаза бы мои на эту красоту не глядели! – проворчал толстяк.

Княжна?.. Иванушка насторожился. Неужели это дочь князя-владыки из Стольного града? Зовут ее Забавушка, и слухи о ее дивной красоте по всему свету ходят.

Да, не лгут эти слухи, понял Иванушка. И в самом деле – дивная красота!

А толстяк продолжал ворчать-причитать:

– Взопрел я весь! Замаялся! Что за охота тебе, госпожа моя, была ножки бить? Чего тебе, сударыня, на ладье не плылось, в возке не ездило, в носилках не носилось?! По твоему ли чину-званию пешей ходить? Глупость это, прости уж

за слово прямое! Неровен час, увидит какая ни есть деревенщина-засельщина, что дочь князя-владыки из града Стольного пешком гулять отправилась – позору не оберешься!

– Это почему же, вельможа⁴ Юпишка? – удивилась Забавушка. – Разве простой народ сам не пешком ходит? За что ему меня позорить?

– Одно дело – простонародье, другое дело – княжна, – важно изрек толстяк. – Как можно вас равнять?! Посмотри на себя – сарафан шелковый, поясок парчовый, сапожки сафьяновые, ожерелье самоцветное, серьги серебряные, на головушке злат венец, в косах низки жемчужные. А возьми девку деревенскую. Сарафан холщовый, лапти лыковые, бусы желудевые, веночек из ромашек... Брр, глядеть срамно!

– Тебе срамно, а мне нет, – усмехается Забавушка. – Я бы с радостью надела сейчас холщовый сарафан – в нем не жарко. И лапти надела бы – в тонком сафьяне по траве да песку ходить неловко. Самоцветы шею жмут, венец голову давит, серьги уши тянут! Не в том глупость моя была, что я пешей пошла, а в том, что нарядилась, будто на званый пир! И всю свиту свою уморила. Тебе, вельможа Юпишка, тоже следовало бы не в кафтане парчовом со мной пойти, а в сорочке холщовой. Вот в такой, погляди! – Забавушка подняла с песка Иванушкину рубашку: – А что, ежели мы тебя сейчас в нее переоденем?

---

⁴ Старинное русское слово: вельми – очень, можа – от глагола «может», то есть очень могущественный человек.

– Да что ты, княжна, неужто пузо вельможное в такую малую сорочку уместится? – усмехнулся один из стражников. – С него, поди, пугов шесть прежде стесать надобно!

Вельможа Юпишка зло сверкнул на охальника глазами и спесиво вскинул голову:

– Шутки шутишь, княжна? Обидеть желаешь? Да чтобы я, вельможа Юпишка, какую-то ветошку⁵ на себя напялил?!

– Да какая же это ветошка? – возразила Забавушка. – Холст выбелен, сшит прочно. А вышивка на сорочке такая красивая, что залюбуешься! Говорят, я вышивальщица знатная, но мой поясок не столь искусным узорочьем украшен!

Она сняла свой поясок и начала сравнивать вышивку на нем с вышивкой на Иванушкиной сорочке.

Внезапно вокруг сгустился мрак. Послышался дальний грозный свист: казалось, что-то огромное стремительно летело сюда!

Забавушка и стражники испуганно бросились друг к другу, а вельможа Юпишка с удивительным проворством метнулся в кусты. Пал на песок, зарылся в него чуть не с головой и замер. Он-то знал, что бывает, когда вот так сгущается мрак и в небе нарастает грозный свист! Тогда спастись надо – как можно скорей! Вот вельможа Юпишка и кинулся спасать себя, забыв и о дочке княжеской, и обо всех других.

А между тем такой вихрь пронесся над лесом, что деревья полегли, по реке пошли огромные волны, словно по мо-

---

⁵ То есть что-то изношенное, обветшалое.

рю-океану! Людей на берегу диким ветром сбило в клубок, а небо закрыло черной тучей.

Но нет, не туча это, не вихрь и не ветер – разметались над рекой черные крылья страшного чудовища! Промелькнуло оно над испуганными людьми, камнем упало за лес, снова взлетело, а за ним тотчас поднялся в небо столб огня и пламени, и в этом жарко-красном кружении ныряло, кувыркалось черное ширококрылое чудище, словно любовалось пожаром.

Потом оно опять метнулось вниз, хвостом по песку хлестнув, а когда поднялось, в его когтистых лапах бились жалкие, маленькие фигурки людей. И вот уже не осталось никого на берегу: ни стражников, ни Забавушки, ни зловещей крылатой тени... Только узорчатый поясок сиротливо свернулся на песке, да сорочка скомканная, ветром по куст занесенная.

Иванушка выскочил из кустов, напялил свою рубаху, ошеломленно озираясь. Увидел узорчатый поясок, подобрал, прижал к себе:

– Где же люди? Где красавица?!

– Их унес Змей Горыныч! – спокойно сообщил Горынчик.

– Там пожар вдали! – взгляделся Иванушка. – Кто возжег его?!

– Змей Горыныч! – равнодушно сказал Горынчик.

– Но там мое село! – в страхе закричал Иванушка. – Моя матушка! Там же все сгорит!

– Сгорит, – кивнул Горынчик: – Родитель мой ничего не

оставляет. Он вчера еще похвалялся: десять сел дотла пожег, а завтра, мол, за большой лес полечу – еще жечь. Вот и прилетел. Вот и пожег.

– Родитель?! Так это чудище, которое сюда налетело, – и есть твой родитель?! Твой батюшка?! – в ужасе спросил Иванушка.

– Да, – гордо заявил Горынчик. – Мой родитель – Змей Горыныч.

– Змей Горыныч?! – Иванушка не поверил своим ушам. – Огниво рассказывал про Змея Горыныча! Но я всегда думал, что это сказки да байки, что это лишь в старину случалось, а уж нынче никак быть не может. Но вот, значит, опять нагрянул Змей Горыныч на землю Русскую! Давний, страшный ворог! А я дружбу завел с его сыном?! Почему же ты мне сразу не сказал, что родитель твой – Змей Горыныч, что он села наши жжет?

– А что такого? – удивился Горынчик. – Это родительско дело. Его родитель жег, и он жжет. Так испокон веков ведется.

– Его родитель жег? И он жжет? Выходит, что и ты будешь? Вот как...

Иванушка круто повернулся и бросился прочь.

– Ты куда?! – изумленно окликнул Горынчик. – Разве мы больше не будем веселиться?

– Веселиться?! – гневно обернулся Иванушка. – Там люди гибнут, а тебе лишь бы повеселиться?! Эх, ты... Знал бы я,

кто ты такой, – сроду не стал бы тебя спасать. Предатель!

И он скрылся в лесу.

– Ива... нушка!.. – отчаянно, пронзительно вскрикнул Горынчик и заплакал, роняя большие зеленые слезы.

На крик из кустов осторожно выглянул вельможа Юпишка, но при виде Горынчика со страху повалился без чувств. А Горынчик, ничего не заметив, побрел прочь, повесив голову, уныло волоча крылья и змеиный хвост по песку и жалобно постанывая.

В чаще переглянулись испуганные лесовуны.

– Ты слышал? – пролепетал Михрюська.

– Слышал! – кивнул Пинь Ушастый.

– Что же теперь будет? – вытаращил глаза Михрюська.

– Не ведаю... – покачал ушами Пинь.

* * *

Ой, горе, горе на всей Русской земле! Чудище поганое Змей Горыныч жжет леса, города, села, гонит в полон людей. А степным поганцам, которых пригрел он под своими черными крылами, и счету нет! И они, вороги, топчут нашу землю копытами конскими, тычут в нее копыта острые, лютуют кровью русскую, как светлую водицу!

...В приземистой избушке неподалеку от Стольного гра-

да жила старенькая колдунья-ведунья⁶ Мухомориха. Могла вылечить болезнь былками-травками⁷, могла и судьбу предсказать.

Как-то раз перебирала она свои травы да напевала над ними немудрёную песенку:

– Собирала я вас на заре и в ночь,
Травы чудные, чародейные.
Мне без вас ворожить-колдовать не в мочь,
Отворите тайны Вселенной мне.

Ты, Перунов цвет, клады все открой,
Помоги понять речь звериную,
Перелет-трава, птицей в небо взмой,
В ночь Купальскую, воробьиною!

А ты, Разрыв-трава, замки отопри,
Без ключа оковыними-сломай,
Отведи глаза, ты, Нечуй-трава,
Одолень-трава, одолей врага!

Вот тирлич-трава, зелье оборотней,
Приворотная улика-трава,
Баранец, орущий громким голосом,

---

⁶ Ведунья – то же, что знахарка. Ведать – знать. Но это слово означало не просто лечебные, но и провидческие, пророческие умения, поэтому ведуньи иногда называли просто ведьмами.

⁷ Былки, былинки, былие – травинки, травы.

Нечуй-ветер⁸, тот, что умирал ветра...

Вдруг слышит Мухомориха – кто-то пытается открыть дверь в ее избушку. А дверь разбухла от сырости, покосилась от старости. Человек пыхтит, толкает дверь, злится, ворчит...

Ну, коли не может человек сам открыть, надо ему помочь. Махнула Мухомориха рукой – и дверь распахнулась так внезапно, что человек не устоял на ногах, влетел в избушку и упал.

Это был чиновный⁹ толстяк – вельможа Юпишка. Он попытался подняться, да не смог – брюхо мешало. Мухомориха поглядела-поглядела на него, потом снова махнула рукой – и вельможа Юпишка тотчас вскочил, грозя Мухоморихе кулаком:

– Ну, погоди, ведьма старая! Шутки со мной шутишь нехорошие! Да я тебя... Апчхи-и-и!

Вельможа Юпишка начал неудержимо чихать, и продолжалось это до тех пор, пока Мухомориха вновь не махнула рукой. Незванный гость чихать перестал, но еще какое-то время не мог заговорить: только рот открывал да шумно пыхтел.

– Хочешь сказать что-то? – как ни в чем не бывало спросила Мухомориха.

Вельможа Юпишка закивал.

---

⁸ Мухомориха перечисляет травы, имевшие волшебную силу.

⁹ То есть с высокий чином, званием.

– Ну так украти свое сердце богатырское! Проси вежливо да очестливо, – насмешливо посоветовала Мухомориха и опять махнула рукой.

Наконец-то Юпишка обрел дар речи!

– Ладно, это... колдунья-ведунья... – пробормотал опасно. – Дозволь слово молвить.

– Молви, – разрешила Мухомориха.

– Правду ли бают, – спросил Юпишка, – ты-де не только лечишь травами-былками, но и судьбу можешь предсказать?

– Могу и то и другое, – кивнула Мухомориха.

– Тогда готовься! – важно провозгласил Вельможа Юпишка. – Знаешь, кто к тебе в гости сейчас пожалует? Сам Князь-владыка Стольного града! С ним свита и князя его подколенные¹⁰

---

¹⁰ Колено – род, подколенные – родичи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.